

Сегодня, — 1994. — 22 марта. — 9.10.

Мария Дементьева

Почему вы решили вернуться к «Асе»?

— А почему бы и нет? Что я буду рассуждать: «О да, возвращение...» Откуда я знаю? Вернулся, потому что мне давно хотелось поговорить на тему, ну... грубо говоря, перестройки — русский человек и капитализм, русский крестьянин и богатство, душа и деньги. О том, что происходило в России. Мне интересно, почему, например, народ не любит Горбачева, который его, этот народ, освободил? Почему с портретами Сталина, Брежнева стоят у Белого дома? Как с людьми творится? Почему они голосуют за Жириновского? Ведь те, кто за него голосует, не идиоты, не кретины, просто что-то у них в голове происходит. Вот я и хочу понять, что.

Ну, а еще потому, что мне захотелось снять маленькую картинку, недорогую, как мне казалось тогда, в которой я буду хозяйном, и никто не будет меня спрашивать, как это постоянно происходит в Голливуде, отчего я делаю так, а не этак. Есть еще и ряд других обстоятельств, но не хочу сужать тему.

— Вы хотите разобраться, что происходит сейчас с людьми. Но, наверное, себе вы уже дали какие-то ответы?

— Ответы довольно сложные. Мне кажется, что неадекватность заложена в русской ментальности. Ей чужд, например, европейский прагматизм, рациональный подход к жизни. Русские люди слишком эмоциональны.

Вот посмотрите, какое количество в Москве очень дорогих западных машин. Четыре года назад «Фольксваген» был убежден, что с перестройкой они будут главенствовать на этом рынке. Ничего подобного, никаких «Фольксвагенов» не покупают, сплошные «мерседесы», «роллс-ройсы». Отчего это? Ведь нормальный, здравомыслящий капиталист не будет вкладывать деньги в железку, которая теряет 20% своей стоимости при покупке, он будет их реинвестировать в свое производство. У нас же как только человек богатеет, то первым делом покупает очень дорогую машину — очень русский подход к жизни. Отсутствие прагматизма, рациональности в сочетании с характерным для нас, русских, эмоциональным отношением к миру приводит к тому, что нам не терпится скорее разрушить то, что непонятно. И мы не задумываемся, чем заменим разрушенное. Вспомните знаменитую фразу Бакунина: «Страсть к разрушению — созидательная страсть».

Почему выбрали Ельцина? Не потому, что он был такой великий государственный деятель. Народ голосовал не за Ельцина, а против Горбачева. И точно так же сейчас он голосовал не за Жириновского, а против Ельцина. Этот плох, копченая колбаса с чеба не валится, давай выбирать нового. Но и этот новый колбасы тоже не дает, а тот — обещает. Давай голодосовать за него. В этом смысле происходящее с людьми, мне кажется, очень понятно. И вполне вписывается в мое представление о том, как народ относится к тому, что происходит, то есть в основном — никак. Демократия ему не нравится, что это такое, он не знает, да и откуда ему знать, он и не должен. Я уж не говорю о том, что стоял у Белого дома не народ, а лишь его небольшая часть. Если честно-то говорить... После событий в 1991 году, через три месяца оказалось, что ну прямо все у Белого дома были, все — борцы. А в основном-то люди стояли в тех же самых очередях, сидели в тех же самых парикмахерских — я сам был свидетелем. И когда танки стреляли, в 1993 году, в октябрьские события было то же самое. В Москве живет десять миллионов, это больше, чем население целой страны. А сколько было у Белого дома? 10 тысяч? 20? Вот сейчас во Франции проходили демонстрации, потому что правительство решило лишить поддержки образование. И миллион человек вышли на улицу. Я не видел, чтобы

у Белого дома хоть когда-нибудь был миллион. И это говорит о том, что происходящее касается только небольшой части общества. Остальные принимают лишь пассивное участие.

— События у Белого дома... Ваш брат, Никита Михалков, назвал виденное там осенью «образом безбожия». Вы разделяете эту точку зрения?

— Видите ли, эти определения — безбожие, религиозность... Я не могу их употреблять, я не знаю. У него ясная концепция, если он так говорит. У меня ясных концепций по отношению к тому, что происходило, нет. С одной стороны, безусловно, было нарушение законности. Потому что хотите вы или нет, но вице-президент Рудков стал президентом согласно той Конституции. Это уже другой вопрос, что ту Конституцию необходимо было разрушить. Но с точки зрения закона ни Рудкову, ни Хасбулатову нельзя было предъявить никаких политических обвинений. И поэтому вся эта история в очень русском духе. «Закон что дышло — куда повернешь, туда и вышло». Когда недавно генеральный прокурор поступил согласно закону, а на него пытались воздействовать: «Да ладно, чего ты там, пусть еще посидит, какая разница, что там положено по закону» — это тоже очень по-русски.

У нас в России к законам относятся с перекором. Правда, по-

очень искренний человек в этом смысле. И Никита ведь не за карьеру все это делает, она у него уже состоялась. Более того, этим она свою карьеру разрушает. Политика может мешать ему как художнику просто потому, что отнимает колоссальное количество времени, отнимает одно из самых главных благ — свободу. Я в этом смысле более эгоистичный человек. Мне личная свобода важнее всего остального.

— Как вы полагаете: события у Белого дома оставили какой-то след в духовном сознании нации?

— Не думаю. Они никакого отношения к нему вообще не имеют. Сознание нации занято поисками работы, прокармливанием себя и т. д., а не тем, что происходит у Белого дома. Я в деревне снимал четыре месяца, и для них все это было абсолютно безразлично. Люди телевизор даже не смотрят — свои проблемы. Нация довольно индифферентно относится к политическому и государственному устройству.

— А деревня изменилась за время, что прошло с тех, первых ваших съемок?

— Конечно, во всяком случае, в которой снимал я. Тогда, в 60-е, было мало дачников, мало посторонних. Сейчас дома покупают богатейшими людьми. Фермеров, кстати, мало. А деревня, та, что была прежде, — она не

речие между духом и материей. Материя требует своего, а дух — своего. Если в человеке возобладает что-то одно, получится или ангел, или скот — то, что сосуществует в нем на разных полосах. Все инстинкты — животные, страхи тоже. Ведь чего бояться? Голода, холода, физической смерти. И очень мало людей боится сорешить. Истинно религиозные люди не боятся смерти. А большинство смерти страшится, и я в том числе. И поэтому я не могу считать себя по-настоящему религиозным человеком. Что каса-

Андрей Кончаловский монтирует на «Мосфильме» новую картину. Ее герои — те же жители села Безводное, что населяют «Историю Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж», только тридцать лет спустя.

Людей разрешили быть несчастными.

Раньше было нельзя, государство не позволяло.

А поскольку нельзя, значит — счастливы. А теперь

можно. Вот и выплескиваем через край

— «катастрофа», «вымирание», очень русское

ожидание конца света.

— И какое у вас впечатление от работы с ним?

— Сталлоне — один из тех людей, которые несут чудовищное бремя денег, славы и власти, и я не могу сказать, что он успешно с этим справляется. Это совсем не тот человек, с которым его принято идентифицировать. На публике он ведет себя так, как хотела бы публика: Сталлоне прекрасно знает, за что ему платят деньги. А в частной жизни Сталлоне слушает «Петрушку» Стравинского, интересуется музыкой, любит жить, обладает большим чув-

фильмы. Он жизнь посвятил борьбе за независимость от Голливуда. Но быть независимым — сложно. И это одна из причин, почему я уехал. Голливудская страница кончилась. Страница книги, которая называется «Моя жизнь».

— И это окончательно?

— Ничего не бывает окончательно. Но мне больше неинтересно снимать картины в Америке. Когда в американском сценарии видишь хоть признак жизни, испытываешь восторг. Большинство сценариев, которые в Америке легко запускаются в производство, те же самые, что уже были прежде, лишь с небольшими изменениями, включая имена. Я их называю «мертвые сценарии». При этом написаны они весьма профессионально. Здесь — наоборот. Жизни в сценариях, в общем, очень мало, но профессора и аналитики.

Я уехал из Америки еще и потому, что сейчас очень интересно жить в России. Раньше можно было

времена Шекспира или Дон Кихота, со счета или в кредит нельзя. А у меня таких денег нет.

— Вы вернулись в Россию именно теперь, когда нас уверяют в смерти отечественного кинематографа: денег нет, проката как бы тоже нет, картин никто не видит. Экраны заполнили дурные американские фильмы.

— Неправда, начинают появляться картины уже не дурные, а хорошие. Это уже не класс «Б». Что же касается нашего кино, мне кажется, говорить о его смерти преждевременно. Определенный распад, связанный с распадом инфраструктуры, конечно, есть. Режиссеры не знают, как быть. Раньше деньги приносили на тарелочке, теперь их надо искать, надо убеждать, уметь быть деловым человеком, как это умеют во всем мире развитого кино. Даже в Индии Радж Капур имеет свою фабрику! Доставать деньги сложно. Нужно уметь вдохновлять на подвиг. Да-да, давать деньги — это подвиг. С деньгами расставаться жалко. Поэтому я с большим уважением отношусь к людям, которые дают деньги на искусство, на кино, практически ничего не требуя взамен, ведь российское кино прибыли не дает.

И нужно делать картины так, чтобы они приносили хоть какую-то прибыль. Одна из иллюзий сегодняшних российских кинематографистов: надо делать коммерческое кино, и оно принесет прибыль. Это неправда. Коммерческое кино прибыли не принесет, потому что на Западе его умеют делать гораздо лучше. Это иллюзия, что все будут смотреть наши полицейские боевики, погони, убийства — никто не будет. Потому что это сделано по-русски — у нас нет культуры коммерческого кино. Наш секс... хочется их всех помыть, это некрасиво, уродливо. Наши погони сделаны непрофессионально — у нас и дорог для этого нет, и машин. Поэтому попытки сделать лучше американского — ошибочны. Наши картины не могут приносить прибыль в России еще и потому, что рынок разрушен. А вот что может действительно принести прибыль, так это хорошие картины о русской жизни, о России. Сверхприбыли они не принесут, но производство здесь настолько недорого, что достаточно, чтобы эту картину купили две-три западные страны, и она себя окупит. Надо быть самими собой. Что, разумеется, сложно.

— Вы создали здесь свою кинокомпанию?

— Да, потому что я в состоянии найти деньги. Я вернулся в штат «Арк-фильма», к Юлию Райману, где я член правления, еще у меня есть компания «Русская рулетка», которая делает копродукцию. Моя последняя картина — с французами. Я несколько удивился, что они дали деньги, но, наверное, им понравился сценарий, который мы написали с Виктором Мережко. Вообще я бы не называл его продолжением «Аси», это не так. Картина, я думаю, будет называться «Курочка». Я бы назвал «Курица», но уже есть пьеса с таким названием.

— Тогда, снимая «Аси», вы пригласили непрофессионалов, болясь «киноколхоза». А кто у вас играет теперь?

— Те же люди из села Безводное, кто остался в живых. И Чурикова. Савиной, игравшей тогда Асю, сценарий показавшийся недостаточно интересным. А Чуриковой понравился. Но жанр картины другой. Я делаю картину условную, комедию, и не боюсь «киноколхоза». Тогда мне хотелось ухватить жизнь. В то время в кинематографе это было достаточно новым явлением. Нельзя было показывать жизнь, какова она на самом деле, это запрещалось. Теперь же это естественное явление: за последние двадцать лет я видел куски «Аси» в разных картинах — я имею в виду одинаковые по методу съемок. Сейчас это не очень интересно. В этой картине я беру тех же людей и те же характеры, но их «выгибаю», искажаю, гипертрофирую. Это другое.

— Неожиданный для вас выбор музыки к картине — разухабистая «суперсовременная» песенка молной эстрадной певицы...

— Ментальность можно увидеть и в том, кто является эстрадной звездой. Послушайте, что по-

Контрапункты

есть и как. Степень вкуса, мягко говоря, оставляет желать лучшего. И это — нравится. Музыка, в основном это музыка подворотни: четыре аккорда, которые пришли от замечательного поэта Высоцкого, — это музыка зеков, тюремная. А если посмотреть на наших звезд, как они выглядят, ведут себя... «Уезжите меня на Гималаи, а то я кого-нибудь съем». Нет, ужаса у меня это не вызывает, но является очень специфичной постсоветской культурой, некой мутацией, возникшей на развалинах ГУЛАГа. Я имею в виду моральный процесс, он временен. А пока идет такой выхлоп, сублимация всего, что зажималось прежде. Это еще советское, в исполнении тех же людей, которых репертком не выпускал. Их дети будут во многом стыдиться своих родителей.

— Наверняка найдутся желающие сравнить вашу новую картину с «Асей». Не боитесь этого?

— Нет. Как можно сравнивать человека в 56 лет с двадцатипятилетним? Неразумно. А если бы я боялся сравнений, то пытался бы все время повторять свои старые успехи.

— А что для вас успех?

— Успех — это возможность делать что хочешь когда хочешь. Это свобода. В личной жизни, в профессии. Впрочем, она тоже относительна. Как замечательно сказал Фазиль Искандер: когда кончается любовь, начинается долг. И если это чувство свойственно человеку, тогда и свободы быть не может. Знаете, что такое успех? Это быть самим собой и за это любимым.

— Итак, вы решили обособиться в России в не самое спокойное время, когда нас периодически путают новыми битвами. У вас есть какие-то прогнозы?

— Все битвы у нас происходят вокруг Белого дома. Но теперь его у Верховного Совета, то есть у Думы, отобрали. Что ж, можно думать новое помещение — прямо в Лефортове, чего проще. Сильные отношения между разными структурами в России неизбежны. А прогнозы... не знаю. Мне кажется, Россия — страна неожиданностей. Предсказать, что будет с ней происходить, невозможно. Потому что это — великая страна. Гигантская, очень богатая, очень молодая. Свободы — в социальном плане — здесь быть не может. Всего только 130 лет назад наши замечательные соотечественники, в том числе и великие классики русской литературы, продавали и покупали своих сограждан за бесценок — крепостных. А это были люди той же крови, той же нации, того же вероисповедания. Делали с ними что хотели, и особые протестов, в том числе и со стороны классиков, не было. А в Европе такие взаимоотношения между разными частями одной и той же нации были 300—400 лет назад. Делайте выводы.

Индивидуум в России к власти относится снизу вверх, по вертикали. Условия свободы — отношения по горизонтали. Это связано еще и с религией. Православие содержит в себе отношение человека и высшей власти, Бога, снизу вверх. В католицизме все же этого нет, а в протестантизме вообще человек иначе относится к Богу. Он с Богом один на один. И он сам перед ним отвечает за свои поступки, никакой коллективной ответственности. Или возьмите православные храмы, где нужно стоять на коленях по шесть часов. Можно ли, стоя, к пятому часу думать о Боге? Сидеть, как у католиков, гораздо удобнее. Большие мысли можно посвятить Богу, а не отекшим ногам. Впрочем, человека к познанию истины ведут разные пути. И неизвестно, какой из них более правильный.

Андрей Кончаловский: Успех — быть самим собой и за это любимым

настоящему с уважением к закону относятся только в протестантских странах. А чем дальше вы движетесь на юг... Это очень хорошо иллюстрирует уличное движение. В Германии, в Швеции, в Америке правила практически не нарушают. В Италии, во Франции уже проще. И вот вы едете в Бейрут или в Калькутту — там уже иная картина: автомобили ездят совсем по-другому, обезьяны лежат на улице коров. У нас коровы не лежат, но к закону, правилам уличного движения относятся так же, как в странах, которые, чтобы не обидно было, принято называть «развивающимися». А по тому, как человек водит машину, сразу видно, как относится человек к закону. И это тоже имеет отношение к русской ментальности.

Посмотрите, у нас милиция, ставя знак «ограничение скорости 40 км», заранее знает, что будет ездить 70. И так далее. Даже дорожные знаки ставятся у нас с упреждением русской ментальности. Замечательную фразу написал император Павел, когда пытался навести порядок в Москве — на мосту была бронзовая табличка: «На мосту запрещается вообще!»

— Как вы относитесь к тому, что ваш брат занимается политикой?

— Человек должен делать то, что ему хочется. Жизнь — одна, и надо попытаться сделать все возможные ошибки прежде, чем она окончится. Впрочем, что является ошибкой для одного, для другого может оказаться вполне правильным поступком. У каждого свой опыт, и если Никита хочет, я считаю, он должен поступать по-своему. Другой вопрос, что из этого получится. Но это будет его личный опыт, чужой же еще никогда никого ничему не научил. Это первое. Второе — Никита верит, что, занимаясь политикой, может принести пользу отечеству, он

то что вымирает, она перерождается в нечто другое. Но мне не кажется, что люди живут хуже прежнего. Они говорят: «Дорого стало, дорого. А дубленку какую купил? Турецкую?» Какой разговор о турецких дубленках мог быть 20 лет назад?

Людьми свойственно идеализировать свою юность. Им всегда кажется, что она была солнечная. Даже тем, кто жил в 36 — 37 — 38-х годах и кого непосредственно не коснулись ссылки. «Дождем в молодости не идет». И поэтому сегодня 60-е годы кажутся прекрасными. Героиня моего нового фильма говорит: «Работали за три рубля в день. И как работали? Вперед и с песнями! Почему? Потому что знали: денег нет и не будет. А сейчас сколько ни работай, ни получишь, всем недоволен. Почему? Частную собственность разрешили, а натура человеческая такая — ей все мало».

Тут еще и другое. Людям разрешили быть несчастными. Раньше было нельзя, государство не позволяло. А поскольку нельзя, значит — счастливы. А теперь можно. Вот и выплескиваем через край — «катастрофа», «вымирание», очень русское ожидание конца света. Но вообще, если говорить о народе, мне кажется, этот «вечный океан», Соларис — он мало меняется. Определенный процесс идет, но очень медленно...

— Вы сказали, что хотели сделать картину, где бы были полным хозяином, и что это невозможно в Голливуде. Я хотела бы спросить у вас: вы большой, серьезный художник, у вас существуют определенные требования к тому, что вы создаете, и — «правила игры», диктуемые кинопроизводством Голливуда, соображения кассы. Их трудно совместить? Есть тут противоречие?

— Противоречие между душой и деньгами: наверное, оно должно быть. Ведь жизнь — это противо-

есть творчества, это же противоречие особенно ярко выражено в кино, которое очень дорогое удовольствие.

— Скажите, а вы когда-нибудь снимали только из-за денег?

— Можно сказать, что я из-за денег делал «Танго и Кэш». Это была чисто коммерческая картина. История двух полицейских, глупая и простая, как мычание. Одно из полицейских играл Сталлоне. Снималась картина на «Уорнер Бразерс», и это был для меня совершенно новый, не похожий на виденное прежде мир, знакомство с которым было мне очень полезно. Я тогда попал в огромный конгломерат абсолютно других интересов, идей, философии, денег, — бюджет фильма сначала был 30 миллионов, потом вырос до 50. Именно на этой работе я научился другого рода кинематографу, другому языку, для меня это было совершенно новое кино — и по скорости действия, и по монтажу, и по техническому уровню эффектов. Все, что только мог придумать режиссер, было осуществимо, проблем — слишком дорого» не возникало.

К сожалению, результат получился весьма удручающим. В этом фильме я был лишен возможности быть самим собой. Если бы я имел больше веса, картина была могла получиться лучше. Я же выступал здесь как режиссер, который должен снимать то, что надо студии. В конце концов я разругался с продюсером и вынужден был с картиной уйти. В результате картина вышла и собрала за первые две недели 31 миллион — огромные деньги. Я оставил в титрах свою фамилию — авторство, по законам гильдии, принадлежит мне. В фильме заметно, где я перестал снимать. Я ни о чем не жалел. Это было интересно, и очень полезно оказалось работать со Сталлоне.

вом юмора. Он высокий профессионал. Другой вопрос, что профессионализм этот определенно жанра. В рамках того, что от него требуется, он всегда в идеальной спортивной форме, с утра качается, бегает. Сталлоне знает, что очень нефототеничен — половина лица у него парализована — поэтому свет ставит на себя сам, только с одной стороны. Прекрасно знает свои возможности как актера и желает изменить амплуа — оттого он и захотел работать с режиссером, который бы принес ему что-то такое, чего он еще не делал. Но в работе он подчиняет кинематограф своим способностям, знает, как ему кажется, где должна стоять камера. Это «его» кино. И когда я ему объяснял, что можно снимать и другое кино, он соглашался, но делал все же по-своему — «публике надо так». Очень напряжен и осторожен с людьми, с которыми никогда прежде не работал.

Но, возвращаясь к теме Голливуда, я хочу сказать, что вообще-то он для людей, которые хотят стать очень богатыми. Или уже стали и живут там. Есть хорошая фраза: «Быть счастливым, имея немного, — трудно. А имея много — невозможно». Голливуд — это гигантская индустрия развлечения, и все проходит через призму рентабельности. И, скажем, такие люди, как Скорсезе, Коппола, Вудли Аллен или Релфорд, они живут где-то на своих ранчо, но не в Голливуде. Они его не очень любят, но нуждаются в нем. Сегодня без Голливуда вообще в мире жить невозможно. Это мировой источник финансов, и в какой-то степени никто из американцев не живет без Голливуда. Но пытаются его финансировать и быть свободным практически никому не удавалось. За редким исключением. Вот Роберт Олтмен уехал в Париж, прожил там долгое время и — вернулся, продолжает делать свои маленькие некоммерческие

жизнь вне ее, и ничего здесь не менялось. С 80-го по 90-й, приезжая, я наблюдал, как люди сидели в тех же комнатах, за тем же чаем, и ругали одно и то же. Теперь же все меняется с такой скоростью, что достаточно уехать на полгода, чтобы ничего не узнать. Прямо чувствуешь, как здесь исторический ветер свистит в ушах. Здесь творится история, для меня ее центр сейчас здесь и в Израиле. Не хочется быть в Америке. Там скучно.

— И вы собираетесь работать здесь?

— Не знаю, как получится. Про место я не имею значения. Просто я не хочу находиться далеко от России. Происходящее здесь я должен пропускать через себя.

— Но какие-то планы, связанные с Россией, у вас есть?

— Замыслов очень много. Но человек предпологает. Бог располагает. Собираюсь поставить «Преступление и наказание» — оперу, с композитором Артемьевым, это очень давний проект. Хотел бы поставить «Чайку» в театре — перенести мой парижский спектакль Театра Европы. Кроме того, я сделал адаптацию Андре Мальро, с этим тоже связаны определенные планы. Ну и еще я написал сценарий фильма ужасов, который надеюсь снять в Москве, это должен быть такой постсоветский постмодернизм. Хочется говорить о том, что кроме тебя лучше не скажет. Вернее, может, скажет и лучше, но по-другому.

— А что будет с вашим домом в Лос-Анджелесе? Вы его оставите?

— Дом буду продавать, он мне не нужен больше. Мне гораздо интереснее вкладывать деньги в Россию. Кстати, за этот дом я до сих пор плачу в банк — в Америке много собственности в кредит. Сейчас я бы хотел купить себе большую квартиру в Москве. Но поскольку мы в плане экономики живем где-то в XVII веке, то для покупки квартиры надо вынимать из мешков пачки денег, как во